

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

УДК 323

С. В. Кривохиж

«МЯГКАЯ СИЛА» И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ТЕОРИИ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ КИТАЯ

Увеличивающаяся роль Китая в мировой политике и экономике, а также явно проявившаяся в последнее время его способность влиять на систему международных отношений являются предметом пристального изучения исследователей во всем мире. Долгое время в фокусе исследований феномена «возвышения» Китая оставалась так называемая «жесткая сила», опирающаяся на военную и экономическую мощь государства и основанная на силе и принуждении. Отличительной чертой последнего десятилетия стала корректировка китайским руководством своих внешнеполитических установок, включающая в том числе и расширение рамок использования «мягкой силы», ориентированной на сотрудничество и мирное решение проблем путем привлечения на свою сторону союзников. В этой связи представляется необходимым изучить причины повышенного интереса китайских исследователей и политиков к концепции «мягкой силы», выявить особенности китайского подхода к разработке и применению этой идеи на практике, а также оценить цели и инструменты, используемые КНР для наращивания «мягкой силы» страны.

Несмотря на то что идея использования «мягкой силы» для достижения внешнеполитических целей государства далеко не нова и попытки оказывать влияние на соседей мирными способами предпринимались еще в древности, концептуальное оформление она получила сравнительно недавно. В 1990 г. это понятие впервые ввел в научный оборот американский ученый Джозеф Най в своей работе «Призванные лидировать. Изменяющийся характер американской мощи» («Bound to lead. The changing nature of American Power»). В 2004 г. Дж. Най предложил полное и подробное исследование «мягкой силы» в монографии «Мягкая сила: как добиться успеха в мировой политике» («Soft Power: The Means to Success in World Politics»). Если «жесткая сила» подразумевает использование различных инструментов принуждения, таких как экономические санкции, подкуп, угроза военными действиями или сдерживание, то «мягкая сила» основывается на следующих трех базовых элементах: 1) культура, способная вызвать интерес у массовой аудитории, 2) привлекательные политические ценности (внутри

страны и вовне) и 3) легитимная внешняя политика (действия данного государства должны обладать моральным авторитетом среди других государств) [24].

С публикацией в 1990 г. первой работы Дж. Ная в китайском академическом сообществе разгорелись дебаты по содержательной стороне концепции «мягкой силы» и способах ее эффективного инкорпорирования в китайскую внешнеполитическую теорию и практику. Одним из первых спорных вопросов стало определение наиболее релевантного перевода термина *soft power* на китайский язык. В частности, рассматривались такие варианты, как *жуань шили* (软势力), *жуань цюаньли* (软权力) и *жуань лилян* (软力量). На высшем уровне, в выступлении Ху Цзиньтао на XVII съезде партии, был использован термин *жуань шили* [1], и в официальном дискурсе применяется именно он. На повышенное внимание к изучению «мягкой силы» в Китае указывает и увеличившееся за последние годы количество статей, посвященных этой теме. При анализе четырех разделов (литература/история/философия, политика/военное дело/право, образование/социальные науки, экономика/менеджмент) базы данных выходящих в Китае специализированных журналов и периодических изданий (*China National Knowledge Infrastructure*) были получены следующие результаты: термин *жуань шили* (软势力) за период 1990–2002 гг. встречается в названии 6 работ, в 2003–2007 гг. — 535 работ, 2008–2011 гг. — 2925 работ. Для сравнения: *жуань лилян* (软力量) использовался с 1990 г. до текущего момента в названии 92 статей, а *жуань цюаньли* (软权力) — 162 статей. Например, профессор Народного университета Китая Кан Сяогуан в своей статье «Взаимосвязь наращивания мягкой силы Китая и возрождения Конфуцианства» (*Чжунго жуань лилян цзяньшиэ юй жуцзя вэньхуа фусин дэ гуаньси*) использует термин *жуань лилян*. Профессор Фуданьского университета Ван Хунин в статье «Культура как основа силы государства: мягкая сила» (*Цзовэй гоцзя шили дэ вэньхуа: жуань цюаньли*) использует термин *жуань цюаньли* (软权力). Очевидно, что за последние два десятилетия интерес к «мягкой силе» в Китае значительно возрос, а после того, как термин стал употребляться официальными лицами, разработки данной темы перешли на качественно новый уровень.

Может показаться странным тот факт, что китайские ученые и политики так серьезно заинтересовались концепцией, разработанной западным исследователем и основанной на базовом принципе внешней политики США: «идее об особой миссии Америки в деле распространении свободы и демократии в мире» [9, с. 26]. Но, как отмечает главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН А. В. Ломанов, именно «культурная традиция в значительной мере облегчила процесс адаптации концепции мягкой силы в Китае. Для китайских интеллектуалов концепция Ная выглядела как современное развитие суждений древних мудрецов Поднебесной» [6, с. 76]. И действительно, исследуя традиции внешней политики США, невозможно не отметить ярко выраженный миссионерский характер, который сформировался благодаря уникальному географическому положению и условиям, при которых создавались американское общество и политическая система. Генри Киссинджер, в своей книге «Нужна ли Америке внешняя политика?» отмечает: «...они (американские политики. — С. К.) рассматривали американскую республику как воплощение просвещенного рационализма, которая самой судьбой была предназначена служить моделью для менее удачливых народов» (цит. по: [9, с. 26]). Идея о том, что «все государства в мире имеют свои интересы, только США имеют обязательства перед миром» [27, р. 40], является одной из центральных во внешнеполитической деятельности США на протяжении всей истории. Анализируя

дискуссии китайских ученых о «мягкой силе», западные и отечественные авторы отмечают созвучие американской идеи «мягкой силы» традиционной китайской концепции внешней политики.

Внешнеполитическая доктрина древнего и средневекового Китая базировалась на представлении о «мире-космосе» как об иерархической системе с двумя уровнями. На верхнем уровне пространство было организовано по троичной системе, состоящей из элементов «небо, земля, человек», а главным, порождающим все остальное, являлось Небо, представителем которого на земле был император — Сын Неба. Так правитель Серединного государства выступал устройтелем всего «мира-социума». На нижнем уровне системы находился «мир-социум», т. е. Поднебесная, в центре которой располагалось Серединное государство, Китай как таковой. «Благотворное влияние присущей китайскому императору “силы дэ”, переполнявшей территорию “Серединного государства”, должно было распространяться и за его пределы, т. е. на Поднебесную, преобразуя “варваров четырех сторон света” и приобщая их к благам китайской цивилизации» [8, с. 93]. В период Чжоу возникла данническая система, при которой варвары в знак покорения должны были прибывать ко двору с данью, а если они этого не делали, к ним направлялось китайское посольство с дарами от императора, призывая добровольно подчиниться. В Пекине это рассматривалось как включение в данническую систему и выражение покорности императору, и делалось не ради экономической выгоды, а для поддержания сложившейся политической системы. То, что система работала, показывало силу императора и наличие мировой гармонии. Анализируя современное поведение Китая, доцент кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД РФ В. А. Корсун видит возвращение к такому мировому порядку: «Происходит не выход на арену мировой политики крупнейшего в истории игрока, а возвращение Китая, “царства истории” с его традиционными комплексами, с его системой “китайского мирового порядка”» [5].

Еще одна причина, по которой концепция Дж. Ная привлекла китайских исследователей, — ее созвучие с основными постулатами конфуцианства, по которым идеальный правитель должен опираться не на физическую силу, а на мораль. В трактате «Мэн-цзы» (IV–III вв. до н. э.) «истинному правителю» (*вану*) противопоставлен «гегемон» (*ба*). Если *ван* в управлении использует благую силу (*дэ*) и гуманность (*жэнь*), то *ба* «использует силу и пренебрегает гуманностью» [3, с. 365]. Традиционная внешнеполитическая доктрина Китая также исходила из того, что при взаимодействии с «варварами» основной упор следует делать на «всеблагое влияние императора и только в исключительных случаях на применение силы» [4, с. 161].

Помимо соответствия китайским традиционным внешнеполитическим и морально-ценностным установкам, концепт «мягкой силы» получил широкое распространение в Китае и в результате его адекватности результатам исследований, которые проводили ведущие китайские политологи и историки, анализируя причины распада великих империй и держав. Так, исследователь Академии общественных наук КНР Шэнь Цзижу утверждает, что важной причиной поражения СССР в холодной войне был не недостаток мощи в сравнении с США, а отсутствие «должного внимания к мягкой силе» [20]. Мэнь Хунхуа уверен, что усиление великих держав прошлого, таких как Римская империя, Великобритания и Франция, также основывалось не только на военной мощи, но и на привлекательности ценностей, культурном богатстве, инновациях и подобных факторах [22]. В русле активного изучения опыта великих держав в 2006 г.

в КНР вышел 12-серийный телефильм «Подъем великих держав». В ходе работы над фильмом создатели взяли интервью у более 100 исследователей, политиков и ученых из разных стран, среди которых бывший президент Франции Жискард д'Эстен, лауреат нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц и историк из Йельского университета Пол Кеннеди, чья книга «Взлет и падение великих держав» стала мировым бестселлером [28].

К настоящему моменту сложилось два подхода к вопросу о встраивании концепции «мягкой силы» в китайскую внешнеполитическую теорию и практику. Наибольшую популярность среди китайских исследователей получил «культурный» подход, основные положения которого были сформулированы еще в 1990 г. Ван Хунином. В нем делается акцент на использование культуры как основы китайской «мягкой силы». Некоторые ученые считают, что традиционные китайские ценности, такие как «совпадающее единство неба и человека» *тянь жэнь хэ и* (天人合一) и «гармония многообразного и несходного» *хэ эр бу тун* (和而不同), модифицированные КПК в концепцию гармоничного общества и гармоничного мира, могут стать альтернативой западным ценностям, особенно при решении таких глобальных проблем, как бедность, экологические проблемы и региональные конфликты [20].

24 октября 2002 г. Цзян Цзэминь упомянул концепцию «гармонии многообразного и несходного» в своей речи на открытии библиотеки имени Джорджа Буша старшего в Техасе: «...гармония — залог развития и роста, различия — возможность дополнять друг друга. Это важное условие развития взаимоотношений и база для совместного развития разных цивилизаций» [25]. 10 декабря 2003 г. Вэнь Цзябао, выступая в Гарварде, заявил: «Подход *хэ эр бу тун* может помочь решать конфликты, возникающие в современном мире, так как большинство из них инициированы не столкновением интересов, а незнанием и предубеждениями» [13]. Ху Цзиньтао, выступая в Лондоне 9 ноября 2005 г., отметил, что «на протяжении всей истории Китай стремился поддерживать гармоничные отношения с соседями и придерживался идеи *хэ эр бу тун*» [18]. Использование культуры в качестве мощнейшей составляющей «мягкой силы» демонстрируется китайскими исследователями на примере США. Профессор Фан Чанпин в связи с этим отмечает, что даже при общем спаде, вызванном тем, что Америка делает, ее сущность до сих пор остается привлекательной, и «на этом базируется ее мощь» [12].

Сторонники «политического» подхода, спорят с первостепенной ролью культуры в наращивании «мягкой силы» КНР. Янь Сюэтунь придерживается точки зрения, что все аспекты «мягкой силы» должны наращиваться одновременно, так как взаимозависимы. Другими словами, уважение только лишь к китайской культуре не повлечет автоматического уважения к политической системе, социальному устройству и действиям КНР на мировой арене.

Неотъемлемым элементом китайских дискуссий относительно концепта «мягкой силы» являются также цель и характер ее использования. Одна группа исследователей выделяет «оборонительный» характер применения «мягкой силы», заключающийся в необходимости улучшения имиджа Китая и искоренения стереотипа о «китайской угрозе». Приверженцы этой точки зрения полагают, «что китайская модель развития не сможет заменить западную, более того, слишком агрессивное поведение в этом направлении скажется на отношениях с США и лишь усилит страх перед китайской угрозой» [14]. Вторая группа ученых исходит из того, что китайская модель развития

должна быть «экспортирована». Профессор Университета международных отношений Чжан Минцян полагает, что «опыт Китая очень ценный, его модель развития может быть альтернативной западной, а страны сами могут решить, какую модель развития выбрать» [14]. Ян Цземань, директор Шанхайского института международных исследований, трактует роль Китая в изменяющейся международной системе следующим образом: «Сейчас для Китая главнейший вопрос состоит в том, как сформировать “набор ценностей с китайской спецификой”, внедрить их в международную систему и сделать китайскую модель привлекательной для развивающихся стран» [29, p. 46].

Еще один отличительный момент китайской концепции «мягкой силы» заключается в том, что использование «мягкой силы» нацелено на улучшение имиджа страны не только на международной арене, но и среди ее населения. Для китайцев построение гармоничного общества внутри страны и гармоничного мира (в международном смысле) — неразрывный процесс, который составляет основу китайской «мягкой силы» [14]. Эта идея также идет из древней традиции, уже тогда политика не разделялась на внутреннюю и внешнюю, так как «император бескорыстен и распространяет свое благое воздействие и на ханьцев, и на варваров, изменяя их по образу и подобию Срединной империи» [4, с. 161]. Западная культура и образ жизни получили серьезное распространение в Китае, и, для того чтобы обратить внимание молодежи на национальную культуру, повысить престиж страны среди собственного населения, государство сделало одним из приоритетных направлений своей деятельности исследование и популяризацию китайской культуры и исторического наследия, феномен, который получил название «культурный бум» (*вэньхуа жэ*) [2].

При изучении концепции «мягкой силы» и ее роли во внешней политике Китая серьезный интерес у исследователей вызывает внешнеполитический инструментарий, который использует КНР для наращивания «мягкой силы». В целом исследователи отмечают «естественный» и «искусственный» пути. В первом случае государство «автоматически» улучшает свой имидж на мировой арене благодаря успехам в экономике, развитию культуры, науки, легитимности политики, проводимой внутри страны и на мировой арене. Во втором случае предполагается «проведение различных мер информационного, рекламного и пропагандистского характера, направленных на улучшение международного имиджа государства. Этот путь целенаправленно формирует образ “мягкой силы” и включает три основных направления: публичную дипломатию, государственную дипломатию (имеется в виду традиционная дипломатия), программы помощи развитию зарубежных стран и оказание гуманитарной помощи» [7].

Основным инструментом улучшения имиджа страны в рамках использования «мягкой силы» является публичная дипломатия. Впервые этот термин был сформулирован в 1965 г. Эдмундом Гуллионом, деканом Флетчерской школы права и дипломатии, и введен в качестве замены слову пропаганда. Впоследствии публичную дипломатию стали отделять от пропаганды, обосновывая это тем, что пропаганда не основана на доверии и в большинстве случаев является сознательным обманом. Сам Э. Гуллион так определил разницу между классической дипломатией и публичной: «...публичная дипломатия продвигает национальные интересы и обеспечивает национальную безопасность путем изучения настроений иностранного общественного мнения, информирования его и воздействия на тех, кто это мнение формирует» [11]. На современном этапе «публичная дипломатия» КНР (*гунгун вайцзяо* 公共交通) направлена на достижение следующих целей:

1. Формирование имиджа страны, которая стремится к созданию гармоничного общества и усилия которой направлены, в первую очередь, на улучшение жизни собственных граждан, а не внешнюю экспансию. Еще Дэн Сяопин использовал древне-китайскую концепцию *сяокан* 小康 (малое благоденствие) как основу модернизации китайского общества, которая предполагала достижение уровня малой зажиточности в Китае. Эта установка была закреплена в документах XII и XVII съездов КПК.

2. Создание имиджа стабильного и надежного партнера, сотрудничество с которым будет способствовать взаимному процветанию. В частности, концепция мирного возвышения (和平崛起 *хэтин цзюэци*) появилась в противовес распространенной на Западе идее о китайской угрозе. В рамках этой идеи делался упор на то, что Китай не намерен действовать агрессивно, а стремится к равноправному сотрудничеству и отношениям на основе дружбы и понимания. Китай активно участвует в обсуждении и решении многих глобальных проблем, таких как экологические, борьба с болезнями и бедностью.

3. Позиционирование китайской культуры как уникальной, древнейшей, способной дополнить мировую. Основной акцент политики в данном направлении делается на то, что только распространяя лишенные стереотипов данные о Китае, можно добиться понимания и уважения других стран.

4. Как отмечалось выше, важным направлением публичной дипломатии КНР является и проведение мероприятий, нацеленных на внутреннюю аудиторию. Так, восстановление гордости за свою страну среди населения Китая тоже один из важных моментов данной политики.

Для реализации этих целей руководство КНР использует как целый ряд общеизвестных инструментов публичной дипломатии: СМИ, ресурсы сети Интернет, публикации, международные культурные мероприятия, так и довольно успешный проект «Институт Конфуция». Цель этой организации — «способствовать налаживанию дружеских связей с другими странами и углублять понимание китайской культуры и языка среди изучающих китайский язык» [19]. По состоянию на декабрь 2011 г. в мире действуют более 800 институтов Конфуция в 82 странах и регионах мира [10]. Немаловажными для формирования позитивного образа Китая и китайцев стали студенческие обмены. В 2010 г. более 260 000 студентов из 194 стран мира приехали учиться в Китай. В пятерку стран, отправляющих в Китай больше всего студентов для получения образования, вошли Южная Корея, США, Япония, Таиланд и Россия, причем большинство студентов приехали изучать китайский язык с целью остаться работать в Китае [23].

Важным направлением китайской публичной дипломатии является расширение сети средств массовой информации на разных языках мира. На данный момент активно действует Китайское международное радио, агентство Синьхуа ведет репортажи на нескольких языках, Китайское государственное телевидение (CCTV) в последние годы значительно расширило вещание за рубежом. Более того, каждый год все больше иностранных корреспондентов работает в Пекине. Лидеры КНР все чаще участвуют в пресс-конференциях при посещении зарубежных стран, а иностранные журналисты получили возможность присутствовать на официальных собраниях и заседаниях, активно в этих целях используется и Интернет. Государство выделяет крупные суммы на развитие информационной сферы, так как именно она наиболее приоритетна для осуществления публичной дипломатии на практике. В отчете Международного экономического форума по состоянию информационных технологий в 2001–2002 гг. Китай был

на 64 месте [15], в 2005–2006 гг. уже на 50 [16], а в 2010–2011 гг. — на 36 [17], опередив по этому показателю Италию, Бразилию, ЮАР и Россию.

Организация крупных международных мероприятий также составляет часть публичной дипломатии КНР. Например, Саммит АТЭС в 2001 г. в Шанхае, Олимпийские игры 2008 г. в Пекине, Международная выставка в Шанхае в 2010 г., Летние Азиатские игры 2010 г. в Гуаньчжоу. Активно проводятся двусторонние культурные мероприятия, такие как Неделя китайской культуры в Берлине в 2001 г., Год китайской культуры во Франции в 2004 г., Год Китая в России в 2007 г. Такие события способствуют привлечению туристов в страну, а проведение культурных мероприятий позволяет познакомиться иностранцев с китайским образом жизни, менталитетом и культурой.

Кроме деятельности по распространению китайской культуры и развенчанию стереотипов о Китае, правительство КНР вкладывает существенные средства в развитие отсталых регионов мира. Это включает обучение специалистов из развивающихся стран, гранты на обучение студентов, привлечение волонтеров. Значительно увеличились масштабы помощи при стихийных бедствиях. Так КНР создает имидж ответственного члена мирового сообщества, ведь публичная дипломатия в отличие от пропаганды должна подкрепляться реальными делами, подтверждающими правомерность притязаний страны на достойное место в мировой системе.

Еще один нюанс, на котором необходимо остановиться при анализе публичной дипломатии КНР, заключается в некоторых различиях в понимании публичной дипломатии на западе и в Китае. Из-за того что изначально концепция «мягкой силы» и понятие «публичная дипломатия» появились в западной теории международных отношений, иногда возникают определенные трудности при попытке оценить и сравнить западные и китайские элементы публичной дипломатии. Например, немалую трудность представляет вопрос о роли и статусе институтов, которые занимаются публичной дипломатией КНР. В западном понимании публичная дипломатия — это осознанная деятельность государства, направленная на народы других стран, следовательно институты, которые занимаются публичной дипломатией, должны быть государственными или подчинены государству. Соответственно, в западной теории основную роль в формировании целей и задач публичной дипломатии КНР, а также в их реализации играют две государственные структуры: Департамент зарубежной пропаганды КПК и Информационный Центр Госсовета. Важную роль в публичной дипломатии играют политические лидеры КНР — председатель и премьер-министр, которые активно посещают другие страны и встречаются с простыми гражданами (например, в 2007 г. Вэнь Цзябао при посещении Японии сажал помидоры с японскими фермерами и играл в бейсбол со студентами) [21]. В меньшей степени принимает участие в формировании стратегии публичной дипломатии Министерство иностранных дел, но зато именно эта структура является основной в реализации всех проектов в этом направлении, а в 2000 г. при министерстве был образован первый Международный пресс-центр.

Обычно западные авторы не ограничиваются этим списком организаций и включают в него также и различные общественные организации КНР, так как в западном понимании негосударственные акторы — это организации, не зависящие от какого-либо государства и действующие от своего лица и в своих интересах, а в китайском понимании общественные организации не являются полностью негосударственными. Негосударственные организации существуют в Китае и оказывают значительное

влияние на формирование политики государства, но в то же время они косвенно контролируются государством. Таким образом, большая часть организаций достаточно автономны, и роль государства ограничивается одобрением при принятии наиболее серьезных решений [30]. Китайские исследователи выделяют 3 фактора, которые отличают эти общественные организации от государственных:

- 1) они основаны не по инициативе государства;
- 2) они функционируют отдельно от государства;
- 3) они служат установленным уставом организации интересам.

Зачастую западные исследователи относят деятельность китайских общественных организаций (например, Китайского народного общества дружбы с заграницей (КНОДЗ)) к публичной дипломатии КНР, а китайские авторы относят такого рода деятельность к особой, традиционной для КНР сфере народной дипломатии (*миньцзян вайцзя* 民间外交). Для сравнения, к народной дипломатии относятся такие мероприятия, как установление связей между побратимскими городами, организация локальных негосударственных обществ дружбы, обмена театральными труппами, художественными выставками, творческими коллективами.

По этим причинам при анализе публичной дипломатии КНР нужно учитывать и такие факторы, как различия в политической системе Китая и западных стран, разницу в подходах к изучению международных отношений и внешней политики, чтобы избежать путаницы в определениях и сформировать максимально адекватное представление о методах, целях и акторах публичной дипломатии КНР.

Активные дебаты в китайских научных кругах по поводу ключевых элементов «мягкой силы» с китайской спецификой стали толчком для разработки данной концепции на государственном уровне. Важно, что китайские исследователи и руководство осознают, что для успешного использования этих внешнеполитических инструментов необходимо разработать модель, учитывающую специфику страны. Благодаря тому что во многом концепция «мягкой силы» близка традиционным концепциям внешней политики Китая, она может стать ценным ресурсом для достижения внешнеполитических целей. Публичная дипломатия как основной инструмент наращивания «мягкой силы» также гармонично вписывается в структуру современного внешнеполитического курса Китая. Вместе с традиционными методами дипломатии и характерной для КНР народной дипломатией она может стать эффективным инструментом проведения внешней политики страны.

Очевидно, что руководству КНР предстоит долгая работа по улучшению имиджа страны. Пока, несмотря на активную деятельность в этом направлении, среди западных стран остается преобладающим представление о Китае как о сопернике, нежели партнере по нескольким причинам:

— во-первых, в настоящий момент Китай не может сравниться с западными странами, особенно с США, по объему использования информационных ресурсов: негативно настроенные англоязычные СМИ имеют гораздо больше возможностей распространить информацию среди максимального количества пользователей, нежели китайские;

— во-вторых, немаловажное препятствие заключается в том, что сама политическая система КНР, непрозрачность ее внутренней политики, вызывает недоверие у западных стран, поэтому зачастую усилия руководства страны по улучшению имиджа сводятся к низкому уровню доверия к самому руководству.

Следовательно, Китаю предстоит огромная работа по разработке стратегии, которая учитывала бы эти недостатки и позволила добиться одной из приоритетных внешнеполитических целей — создать образ Китая как ответственного члена мирового сообщества, надежного партнера с богатой культурой, способного внести важный вклад в формирование гармоничного мира.

Литература

1. Доклад Ху Цзиньтао на XVII Съезде КПК [Электронный ресурс]. URL: http://www.china.com.cn/17da/2007-10/24/content_9119449_2.htm (дата обращения: 12.09.2011).
2. Доронин Б. Г. «Культурный бум» (вэньхуа жэ) в КНР на рубеже XXI в. // IX Международная научная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы»: тезисы докладов. М., 1998. Ч. 2.
3. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Восточная литература, 2006–2009. Т. 1: Философия / ред. М. Л. Титаренко и др.
4. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Восточная литература, 2006–2009. Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М. Л. Титаренко и др.
5. Круглый стол «Китайский фактор» (участники Мясников В. С., Бажанов Е. П., Галенович Ю. М. и др.) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2006/17/kit6.html> (дата обращения: 25.01.2012).
6. Ломанов А. В. Роль культурного наследия в формировании облика Китая за рубежом. // Культурное наследие в современной политической и социальной практике стран дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: сборник статей / отв. ред. Б. Г. Доронин. СПб.: СПбГУ, Восточный ф-т; Изд-во РХГА, 2011.
7. Радиков И., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. №2.
8. Самойлов Н. А. Культурно-историческое наследие и внешняя политика современного Китая // Культурное наследие в современной политической и социальной практике стран дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: сборник статей / отв. ред. Б. Г. Доронин. СПб.: СПбГУ, Восточный ф-т; Изд-во РХГА, 2011.
9. Ширяев Б. А. Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006.
10. Confucius institutes worldwide [Электронный ресурс]. URL: <http://cimap.chinese.cn/> (дата обращения 25.01.2012).
11. Edmund Gullion [Электронный ресурс]. URL: http://publicdiplomacy.wikia.com/wiki/Edmund_Gullion (дата обращения: 20.09.2011).
12. Fang Changping. Comparison of Chinese and US Soft Power and its implications for China // Shijie Jingji Yu Zhengzhi, July 1, 2007.
13. Full text of Premier Wen's speech at Harvard [Электронный ресурс] // People's Daily online. URL: http://english.people.com.cn/200312/12/eng20031212_130267.shtml (дата обращения: 20.09.2011).
14. Glaser Bonnie S. Soft power with Chinese characteristics [Электронный ресурс]. URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/090305_mcgiffert_chinesesoftpower_web.pdf (дата обращения: 20.02.2012).
15. Global informational technology report 2001–2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://hasp.axesnet.com/contenido/documentos/harvard%20global%20it%20readiness.pdf> (дата обращения: 20.02.2012).
16. Global informational technology report 2005–2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.unctad.org/sections/wcmu/docs/c3em29p005_en.pdf (дата обращения: 20.02.2012).

17. Global informational technology report 2010–2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GITR_Report_2011.pdf (дата обращения: 20.02.2012).
18. Hu Jintao Delivers an Important Speech at the City of London [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/topics/13apec/t220971.htm> (дата обращения: 12.11.2011).
19. Introduction to the “Confucius Institute” Project [Электронный ресурс] // Website Hanban. URL: <http://english.hanban.edu.cn/market/HanBanE/412360> (дата обращения: 12.11.2011).
20. *Li Mingjiang*. Soft power in Chinese discourse: popularity and prospect S. Rajaratnam school of international studies. Singapore, 2008 [Электронный ресурс]. URL: www.rsis.edu.sg/publications/WorkingPapers/WP165.pdf (дата обращения: 12.11.2011).
21. *Sieg L.* ‘China’s Wen has Hard Sell on Thaw in Japan, at Home’, 12 April 2007 [Электронный ресурс] // Reuters; and Chinadaily.com. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2007-04/12/content_849014_4.htm (дата обращения: 12.11.2011).
22. *Men Honghua*. Zhongguo ruan shili pinggu baogao // Guoji guancha. 2007. N 2–3.
23. Number of foreign students in China rise in 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/english2010/culture/2011-03/04/c_13760778.htm (дата обращения: 12.11.2011).
24. *Nye Joseph S. Jr.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, 1991.
25. Speech by President Jiang Zemin At George Bush Presidential Library [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/topics/3719/3721/t19082.htm> (дата обращения: 12.11.2011).
26. *Wang Huning*. Zuowei guojia shilide wenhua: ruan quanli // Fudan xueban (shehui kexueban) 1993. N 3. P. 91.
27. *Wittkopf E.* American foreign policy: pattern and process. Thomson learning Inc., 2008.
28. Xinhua news: TV documentary stimulates more open attitude to history, China, the world [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2006-11/26/content_5375589.htm (дата обращения: 12.11.2011).
29. *Yang Jiemian*. Gaige kaifang 30 nian Zhongguo waijiaode chengjiu // Guoji wenti yanjiu 13 november. 2008. Beijing.
30. *Yiyi Lu*. The growth of civil society in China, key challenges for NGOs [Электронный ресурс] // Chatham house, Asia programme, February 2005. URL: <http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Asia/china.pdf> (дата обращения: 12.11.2011).

Статья поступила в редакцию 14 марта 2012 г.